

ОЛЕГ РАИН

ЧЕЛОВЕК ДЕЙТЕРИЯ

Олег Раин

Человек дейтерия

«Издательские решения»

Раин О.

Человек дейтерия / О. Раин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902799-3

С некоторых пор Гриша Крупицын понимает что он человек-невидимка. Тот, кого не замечают окружающие, кого не воспринимают всерьез. Не столь уж редкая ситуация, но для того, чтобы выйти из тени, нужны силы, нужна серьезная мотивация. А что делать, если всего этого нет? Однако судьба делает Грише подарок — рядом появляется друг, настоящий и равнодушный, помогающий Грише открыть в себе личность. Гришу признают одноклассники, но главное, он сам начинает верить в свои силы, в себя и свой талант.

ISBN 978-5-44-902799-3

© Раин О.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	21
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Человек дейтерия

Олег Раин

© Олег Раин, 2018

ISBN 978-5-4490-2799-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
(совсем даже не фантастическая повесть)

*Если плакать десять дней —
Образуетя ручей.
Если очень долго —
Кама или Волга.
На реке построят мост,
На мосту поставят пост
И прибьют дощечку:
«Наплакавшему речку».*

Николай Шилов

Глава 1

С тех пор, как отец разбил у комп и лишил айпада, Гриша Крупицын вернулся к прежним своим увлечениям – либо рисовал, либо играл в солдатики. А что ещё делать, когда школьные предметы скучны и тоскливы, когда во дворе снега по пояс и Саймон с кошкой? Когда голос тих, а руки-ноги – коротки? Не в том смысле, что короче обычного, а просто тоненькие и слабенькие. В общем, салапетом был Гриша-Гришуня. Лоховатым и трусоватым. Ещё и зиму не очень любил. То есть, кому-то, может, и в радость прогуляться в морозы, сосульки с гаражей посшибать или с горок покататься, но у Гриши подобных увлечений сроду не водилось. Как не водилось и денег, которые брали за катание с городской катушки. В самом деле, странное такое городище отгрохали на центральной площади – стены из снежных глыб, ледяные герои из детских сказок, высоченная ёлка из пластика и ничегошеньки для детей. Унылые пони, ватрушки и горки, конечно, присутствовали, но все сугубо за деньги. Как и незамысловатые шалости в ближайшем аквапарке или жаркие автогонки в компьютерных салонах – за все надо было платить, а где взять деньги, когда даже старшаки из одиннадцатого безуспешно бродили в поисках хоть какого-то приличного заработка. Хорошо, родители кого-то пристраивают к себе на работу, а если нет таких возможностей – да ещё в учебное время? Так что с зимой у Гриши отношения складывались не самые сказочные.

Настоящая сказка Гриши Крупицына начиналась совершенно иначе. В тот самый момент, когда рюкзак летел в левый угол, а мешок со сменкой – в правый. Именно тогда память Гриши омывало тёплой волной, начисто стирая школьные невесёлые картинки. Он выволакивал из-под кровати коробку с игрушками и, плюхаясь на колени, начинал выдумывать истории куда более радужные и веселые. Первым делом ставил возле ножки стола часового – стойкого оловянного солдатика. Не того, про которого писал Андерсен, а вполне современного – с автоматом «Калашникова», в сапогах и в каске. Это стало уже традицией – начинать игру с часового. В самом деле, если никто не берёт тебя под защиту, не следит бдительным оком за окрестностями, расслабляться не следует. Как, например, сегодня на математике, когда Москист под гогот одноклассников запустил ему за шиворот живого таракана. Не поленился же – поймал где-то! А может, из дома принёс. Впавший в дрему, Гриша немедленно взвился, за что и полу-

чил нагоняй от Иринстепанны. Хотя об этом сейчас не стоило... Он ведь давно понял: дома о школе лучше не вспоминать. Даже когда делаешь уроки. А уж тем более во время игры.

Словом, оловянный солдат занимал своё законное место у ножки стола, а далее из кубиков Гриша принимался за постройку крепости. Не самой могучей, но все-таки вполне прочной – с воротами и кремальерами, с настоящими бойницами. Если не хватало деталей, тут же клеил их из картона, а то и выпиливал ножовкой из дерева. Ещё и радовался, что научился обходиться без «лего». Куценький набор, что подарили ему пару лет назад особым разнообразием не баловал. Да и странным Грише казались все эти хрупкие неживые конструкции. Ни ездить, ни плавать толком не умели, ещё и человечки эти откровенно изумляли – с уродливыми ручками-ножками, с нелепыми головёнками. Из того же картона Гриша наловчился вырезать и клеить солдатиков вполне человеческих. У них и руки можно было заставить двигаться, и оружие им давать самое фантастическое. Так что с крепостью у него обычно строительство не затягивалось. Ввысь прорастали обязательные башни, на картонные, украшенные узорами балконы выходили местные жители.

Вот где царили уют и дружба! Сжимая автоматы, алебарды и винтовки, крохотные солдатики замирали на стенах, дежурный офицер в бинокль озирали окрестности. В цитадели, которая только называлась таковой, а на деле была крохотным домиком в центре крепости, размещались синяя ванночка, стол, карманное зеркальце и пара цветных камушков. Сломанный будильник пристраивался под треуголкой башни, напоминая кремлевские куранты, а роль принца исполнял обыкновенный пупс. Пупса Гриша стащил в прошлом году из детсадовской песочницы. Точнее – не стащил, а подобрал, хотя и подумал при этом, что честнее было бы поискать и поспрашивать хозяина, но... Больно уж понравился ему пластмассовый малыш. Чуть позже этого пупса он аккуратно разукрасил маркерами: подрисовал усы и аккуратную бородку, подчеркнул брови, – короче, навел пиратского шарма. Кроме того, у пупса появились кожаный ремень и пара пистолетов. Конечно, пупс – это всё равно пупс, как его ни размалёвывай, но всё-таки лучше Кена или какой-нибудь Барби.

Что касается сюжета игры, то он не занял бы и одного килобайта. Да и чего городить-придумывать, когда всё на свете давно придумано – бери и переноси сюжеты из книг и фильмов на пол. Вот и Гриша Крупицын особых огородов не городил. У принца-пупса была крепость и были друзья, но в дальнем лесу, в тёмном зашкафном царстве жил рыжий атаман по кличке Леший, который завидовал счастливому пупсу и день за днем сколачивал злодейскую армию. К слову сказать, с этим закутком между шкафом и стеной у Гриши было много чего связано недоброго. Он и плакал здесь после очередной родительской нахлобучки, бывало, и прятался от мира, несколько раз даже ночевал, укрывшись пледом, светя во все стороны фонарём. Отсиживаясь в такие минуты за шкафом, Гриша начинал представлять себя частью мебели, взирая на комнатуху зрением кроватных шарниров, ножек шкафа, безликих завитушек на обоях. Отец как-то попытался сдвинуть шкаф, чтобы уничтожить ненужный закуток, но не сумел из-за больной спины. Со спиной он мучился с того самого дня, как упал со стропил на работе. Понятно, что Гришка тут был совершенно ни при чём, однако вину за то падение он всё-таки почему-то чувствовал. Как-то незримо получалось, что дурное настроение родителя, болезни и неудачи – всё передавало сыну часть обязательной вины, и с этим он тоже успел смириться.

Короче, закуток был пыльный и недобрый, и ничего удивительного, что собирались в нём сущие монстры. Для этого Гришке приходилось пускать в дело игрушки пострашнее – старых плюшевых зверьков с оборванными лапами-носами, пластмассовых трансформеров, неуклюжие самоделки и прочий игрушечный неликвид. По счастью, этого добра у него скопилось прилично. Было время, когда маленький Гриша пытался даже самостоятельно выплавлять солдатиков. Очень уж дорого стоили в магазинах воины из металла. Ну, и попробовал. Налепил глиняных форм, добыл из старых аккумуляторов свинца и взялся выплавлять собратьев вечного часового. То есть, правильнее сказать – пытался выплавить, поскольку ничего путного

у него не вышло, кроме маленьких и больших ожогов на руках и шеренги жутковатых, мало похожих на часового шипастых призраков. Словом, закуток тоже не пустовал, и добровольцев в армию монстров хватало.

Ну, а далее... Далее сюжет разворачивался по накатанной колее. Само собой, тесное зашкафное пространство не слишком устраивало злодейскую нечисть, и жутковатая рать выползала из лесов-болот, начиная куражиться над оловянным солдатиком. Увы, часовой стоял на их дороге и вынужден был первым погибнуть. Он и погибал, как положено всем героям, после чего армия злодеев обрушивалась на крепость. Формально они требовали выдать им какую-нибудь безделушку, но чаще всего повода не требовалось. Принц жил счастливо, а они нет, и этого было достаточно. Кроме того, он купался в ванной, занимался спортом и даже намеревался жениться на соседской принцессе. Вероятно, поэтому смотрелся в зеркало, пудрил щёки и наращивал мускулы. То есть, при некотором напряжении фантазии Гриша и впрямь угадывал в его выпуклых формах атлетическое телосложение, а посему живущие в своём пыльном дремучем «лесу», закоростевшие от грязи и попок разбойники имели полное право ненавидеть чистоплотного принца. Короче, армия злодеев шла на приступ, атака следовала за атакой, стража на крепостных стенах стремительно таяла. Могучий пупс владел, разумеется, джиу-джитсу и карате, метко стрелял и старался поспевать повсюду, однако реалии – это вам не экранная сказочка, и когда к стенам крепости лесная братия подтаскивала катапульты, начиналось ужасное. Погибали последние из защитников крепости, и связанного принца бросали в темницу.

А потом следовала серия номер два с далёким собратом, до которого добирался ползком израненный оловянный солдатик, который вроде бы погиб, но всё-таки не до конца. Герой на то и герой, чтобы исполнить свою особую миссию, – вот он и оживал на некоторое время, чтобы передать в соседнее королевство весть о случившемся. Друзья пленённого принца тут же собирали свою армию – из добрых и честных новобранцев, после чего шлёпали дружной колонной, освобождая всех пленных и пострадавших. Разумеется, попутно отыскивалась принцесса, на которой мечтал жениться пупс, справлялась свадьба, раскаивались и исправлялись враги. Не все, конечно, – самых злобных вновь загоняли за шкаф. Лихие заморочки выдумывались Гришей на ходу, как и новые образы, которые он вырезал и выпиливал для своих игр.

Кстати, самого принца подданные величали: «Ваше Высочество Гри-Гри», что тоже было частью мрачноватых реалий. Поскольку главный враг вне дома у Гришани был Лёха Сомов, первая заноза в классе. В школе его звали Лешим, – Лешим он, по сути, и был. А ещё первостатейным гадом, как нередко говаривал Гриша. Говаривал, само собой, про себя, потому что вслух озвучивалось совсем иное. И к этому сам Гриша тоже давно привык. Как привык к окружающему миру, к обязательности зимних стуж и к тому, что в школу ходить ему так же сложно, как нервному и вспыльчивому отцу на работу. Что-то у отца там вечно не ладилось: не шёл очередной проект, в цехах то и дело выдавали брак, а денег выплачивали при этом ужасно мало. Настолько мало, что отец психовал и кричал на маму, ругал суп с омлетом, а Грише выдавал затрецины по любому поводу. К слову сказать, затрецин Гриша давно не боялся. Даже научился дергать в последний момент головой, чтобы смягчить силу удара. Рука у старшего Крупицына была тяжёлой, затрецины выходили особенно хлёткими. Но ладно – затрецины, хуже всего, что Гришкина сказка обрывалась как правило на самом интересном месте – с приходом матери или отца. Услышав скрежет ключа в замке, Гриша хватал солдатиков, игрушки и кубики, торопливо пересыпал в два картонных, задвигаемых под кровать короба. С подобной эвакуацией он научился управляться мастерски и всё равно частенько не успевал, за что получал дежурную порцию нареканий. Хорошо, если только от матери. От отца прилетали уже тумачки.

– Слякоть! – грохотал отец. – Седьмой класс, а играет в игрушки! Поколение «пепси», дешёвки! Да я в ваши годы...

И начиналось то, что Гриша успел выучить наизусть. Попроси его та же Иринстепанна рассказать вместо правил с нудными морфологическими разборами многотрудную историю жизни отца, и вышел бы реальный пятак. Но спрашивала она совсем о другом, и вместо пятаков Гриша приносил домой оценки куда более скромные. А потому за сказкой начинались серые будни – долгие и утомительно одинокие. Если посчитать внимательно, счастье Гриши укладывалось во временной промежуток с полтретьего до половины шестого, пока не приходили домой родители. То есть, три скромных часика... Не так уж мало, если говорить о счастье, и всё-таки совсем немного, если сравнивать с жизнью.

Глава 2

Гриша Крупицын уже точно не помнил, когда он впервые превратился в невидимку. Конечно не тогда, когда забивался в тесный, прячущийся за шкафом закуток и не тогда, когда учитель в очередной раз не замечал его робко поднятой руки. Наверняка, это случилось гораздо раньше, и даже вполне возможно, что невидимкой он родился изначально. Мама рассказывала, что врач-акушер малыша Гришу толком не разглядела, едва не уронив на пол и забыв ополоснуть тёплой водой. Ощущение этой давней неумытости Гришку не покидало до сих пор. Может, потому и чесался от волнения, потому и шурился на свет божий, хотя зрение у него было вполне нормальным. И всё равно шурился – пугливо и настороженно. Точно воробей среди галдящей стаи ворон да сорок. Вокруг него вечно что-то делили, о чём-то яростно спорили, соревнуясь в словесных и физических аргументах, он же всё больше помалкивал, шурился и чесался. Рос таким призраком возле полноценных людей – всплывал мутным облаком из постели, маячил в детском саду, в школе, а когда возникала опасность, покорно испарялся. Зачем и для чего всё это происходило, Гриша не знал, и никто не спешил ему ничего объяснять.

Впервые феномен невидимости он осознал уже в два с небольшим годика, когда в магазине чужой дядя запнулся за маленького Крупицына и уронил его на пол. Гриша отчётливо помнил тот рассеянный и несколько удивленный взгляд взрослого. Ведь не было ничего под ногами, пусто было! – а запнулся. Кажется, мужчина так толком и не понял, за что именно он запнулся. Скользнул невидящим взором по упавшему ребенку и прошёл мимо. Когда же маленький Гриша с плачем побежал жаловаться матери, то и она его не услышала. Очень уж увлеченно беседовала с продавцом. Ну, а сыночка машинально погладила и отодвинула в сторону. Самого Гришу тогда словно током шарахнуло. Он даже реветь перестал, потому что детским своим умишком внезапно прозрел и осознал: Его НЕ ВИДЯТ и НЕ СЛЫШАТ! Даже самые близкие и родные люди.

К слову сказать, родных людей было не так уж много: мама, папа и время от времени забегающая в гости тётя Вера. Ещё был муж тёти Веры, но, вероятно, он тоже входил в категорию невидимок, поскольку Гриша его никогда не встречал. При этом сидящие на кухне женщины постоянно о нём говорили – то насмешливо, то осуждающе, то с сочувствием. Самое удивительное, что где-то этот муж обитал, ездил на машине и даже чувствовал себя вполне неплохо, но в этом ли мире или каком-то ином – параллельном, об этом приходилось только гадать.

Смешно, но к мысли о собственной невидимости Гриша вполне привык. И точно так же притерпелся он к тому, что бедолаг невидимок в обществе обычно не уважали и колотили чаще других. Тоже, между прочим, странность! – видимых обходили стороной, невидимых – пихали, хватили за уши и вихры, пинали. А ведь по идее всё должно было обстоять ровным счётом наоборот! Но этот ребус был Грише Крупицыну не по зубам: вопреки любой логике доставалось всегда больше невидимкам, и того же Гришу колачивали все, кому не лень – и Леший с друзьями, и Дон с Москитом, и даже некоторые из девочек покрупнее. Разве что команда грозного Саймона до поры до времени паренька не трогала. Может, в силу совсем уж микроскопической невидимости. Однако по достижению Гришой возраста в десять лет, присутствие блёклого призрака ощутила и эта зловещая компания, а, ощутив, немедленно взяла под прицел своих волчьих взоров. Впрочем, сам Гриша такому раскладу не удивлялся. Саймоном больше, Саймоном меньше, – жизнь, по сути, не менялась ни на грамм. К прежним многочисленным страхам добавился ещё один, только и всего. В садике пугали наказанием, в школе – двойками и приближающимся ЕГЭ. Дома вздыхающая мать грозила недалёкой армией и отсутствием достойной профессии, отец вымещал на сыне своё ежедневное раздражение.

Что касается школы, то здесь всё обстояло куда проще, и Гриша давно поделил одноклассников на категории. На тех, кто не замечал Гришку вовсе, на тех, кто просто насмешничал и на тех, кто не прочь был побить. Хотя и в этом не самом приятном случае, Гриша признавал, что били его несерьёзно – чаще мимоходом, без эмоций и злого азарта. В этом, конечно, крылся и свой плюс, поскольку обходилось без травм и обильной кровопотери. При этом Гриша отлично понимал одноклассников: действительно, скучно месить кулаками пустое место. Всё равно, что бить по воздуху палкой. А в том, что он является пустым местом, Грише приходилось убеждаться великое множество раз. Был такой случай, когда в классе, кажется, третьем они затеяли после уроков игру в прятки, и Гришу тоже приняли в общую игру. Спрятался он не сказать, чтобы слишком искусно, но его не нашли. И, не найдя, затеяли игру сызнова, а потом по третьему и по четвертому разу. И всё это время он сидел, скорчившись за нагромождением картонных коробок, остро переживая и уже почти боясь, что его, наконец-то, обнаружат, а, обнаружив, поднимут на смех. Но ребята его так и не нашли. Да и не искали, пожалуй. Вволю наигравшись, одноклассники разобрали ранцы, немного попинали единственный оставшийся (конечно же, непонятно чей!) и разбрелись по домам.

Читая Уэллсовского «Невидимку», Гриша Крупицын горестно усмехался. Да, здесь было всё несколько иначе: герой известного фантаста был куда сильнее окружающих. Если верить роману, целый город боялся мистера Гриффина! Самого же Гришку не замечали и не боялись. А ведь и даже звали несколько похоже – Гриша и Гриффин! Словно в насмешку...

Короче, Гришкина незаметность была совсем иного сорта. Его не видели, как сор под ногами, как закатившуюся в щель копейку. То есть, копейку, может, и видели, но кто же за этой копейкой станет наклоняться! Впрочем, иногда и наклонялись.

Не сотворишь себе кумира – так, кажется, советовали святые писания. Но без кумиров жилось тоже трудно, и влюбчивый Гриша постоянно находил себе персонажей, которыми хотелось бы восхищаться и любоваться. Вот и в этом году на 1 сентября их главный заводила в классе, Дон, заявился на уроки в чёрной рубашке. Все, значит, в белых рубашках и белых нарядах, а он один в чёрном. Понятно, обратили внимание все окружающие, и Гришка обратился к учителям. Только учителям статный и учтивый Дон смело заявил, что его любимое время года – это лето, что начало школьных будней он воспринимает, как нечто ужасное, а потому его мрачноватый прикид – это всего лишь траур по скончавшемуся лету. Короче, изложил всё грамотно и красиво, даже извинился за то, что, возможно, кого-то обидел подобной демонстрацией, но разве не сами взрослые учат их жить честно? Вот он и постарался быть честным. Короче, от такой речи у завуча и у классной челюсти отвисли. И никакого скандала не последовало. Вяло попеняли за вызывающий вид, пригрозили вызвать родителей – на том и расстались. В общем, красава, что и говорить. Класс тогда прямо возгордился Доном, и Гришка вместе со всеми охал и ахал, с восхищением поглядывая на «траурного героя». Только уже на третьей переменке «герой» взял и открутил ему левое ухо. Просто так и ни за что, а точнее по той пустяковой причине, что Гришка стоял рядом и «пялился». А ведь Гриша и не пялился вовсе – просто любовался новоиспеченным кумиром – за что и поплатился. Словом, траур настоящий вышел тогда не у Дона, а у Гриши Крупицына. Потому что дико распухло ухо, и потому что Гришку снова обидели – причём обидели те, к кому он испытывал тёплые чувства. Оттого и на душе было особенно пасмурно. Во всяком случае, не расплакаться при смеющихся одноклассниках ему стоило немалого труда.

Возможно, именно поэтому единственным и верным кумиром у него оставался оловянный солдатик. Гриша и в школу его частенько брал, заворачивал в носовой платок, прятал поглубже. Маленький часовой, конечно, не мог защитить подростка от многочисленных бед, но, прикасаясь к нему через платок, Гриша пусть ненадолго, но заставлял себя поверить в то, что он не один, что кому-то в этой жизни небезразлично его существование.

Глава 3

На день рождения к первой красавице класса, Аллке Синицыной, Гришу не позвали. Да он и сам поначалу туда не собирался. Но все потопали, и он поплёлся. А куда деваться? Когда заходили в лифт, народ радостно гомонил, тискался и толкался.

– Обожаю лифты, – кудахтал Димон. – Особенно когда застревают.

– Ага, а ты, к примеру, с вампиршей вдвоём.

– Мальчики, что вы такое говорите!

– Где ты видишь мальчиков?..

Продолжая хихикать, ребята точно на пальцевом тест-контроле по очереди приклеили по жвачному комочку к вентиляционной решетке.

– Чтобы не сквозило! – пояснил Дон, и все снова захмыкали. Едва втиснувшийся следом за всеми Гриша тоже хихикнул. Пора было ехать, но лифт стоял на месте, не желая подниматься.

– Что ещё за тормозуха?

– Эй, кто там ближе? Кнопку жми! – взвизгнул Москит. Самый маленький в классе, он умудрялся верещать громче всех.

– Какую кнопку? Где?

– На бороде! У Аллки девятый этаж, самый последний.

– Я жму, не фурычит.

– Значит, кто-то лишний! – пискнула зажатая в угол Катька. Ребята, не сговариваясь, поглядели на Гришу.

– Эй, Гришук, давай он фут! Пешочком, ферштейн?

– Видишь, лифты не заводятся! – снова заорал Москит и даже пару раз подпрыгнул на месте. – Перегруз с тобой, усёк?

– Обычный лифт, – сообщил эрудированный Тихман, – больше четырёх центнеров не поднимает.

– А мы сколько весим? – поинтересовалась Танька.

– Точняк, больше.

– Але, Крупа! – гаркнул Дон. – Не слышал, что ли? Гоу хоум!

Надо было выбираться, но Гриша сглупил. Хотел уйти красиво, а получилось как всегда. Тоже сплюнул на ладонь жвачку, лихим жестом впечатал в решетку и приклеился, – за ладошкой ниточками потянулись чужие жёвыши. Народ громыхнул смехом, Москит даже повалился от хохота. Не теснота бы, точно упал. Оттирая ладонь, Гриша торопливо вышел из кабинки. Хорошо хоть лифт ещё какое-то время упрямылся. Выяснилось, что на девятый он вообще не едет, – только на восьмой, как во всех девятиэтажках. Поэтому, не в его тощем тельце крылось тут дело. Но всё равно пришлось подниматься по лестнице. Возвращаться в лифт казалось глупым и неуместным. Да и кто бы его пустил? Тот же Москит выставил бы локоть и трубно объявил: «Только для белых!» А то нашёл бы ответ поглубже. Типа, «с блохами и собаками нельзя»... Короче, он такие пакости говорить умел, а Грише и ответить было нечем. Не умел он отвечать на такое. А главное, раз все смеялись, то и Гришка принимался смеяться. Иногда ему даже нравилось, что над ним потешаются. Смеются, значит, видят. Над Петросяном вон – тоже смеются, не говоря уже об Альтове со Жванецким. Вот и он вроде как не хуже.

Словом, на девятый пришлось подниматься пешком. Само собой, не самое тяжёлое восхождение, но пару раз Гришка отдыхал на замусоренных площадках, попутно читал написанное на стенах. Один стишок ему даже понравился:

«Если пацан над тобою смеется,

Плюнь ему в рожу, – пусть захлебнётся!»

Во-первых, рифма, во-вторых, смысл. Чем не поэзия! Он почему-то сразу представил на месте «пацана» Москита. И хотя ясно было, что сочинение принадлежит девчонкам, Гриша и сам был не прочь плюнуть в зловредного Москита. При условии, конечно, если потом можно будет благополучно смыться.

Этажом выше паренёк полюбовался разномастными готическими граффити и даже нашёл упоминание об Аллке. Какой-то отважный перец объяснялся ей в любви – и явно не из одноклассников. Подписи, конечно, не было, но это было как раз понятно. Гришка тоже никогда бы не подписался под таким откровением. Хотя в его случае подпись мало что значила. Та же Аллка сначала наморщила бы свой очаровательный носик, а потом попыталась бы сообразить, с какой такой планеты свалился неведомый «Гриша» и кто он такой вообще. Скорее всего, на него, блёклого одноклассника, она бы никогда и не подумала. И правильно бы сделала. Для подобных настенных объяснений тоже требовалась храбрость. Очень даже немалая.

Гриша припомнил, как год назад, когда городская администрация снесла спортивный корт, а потом ещё и прикрыла детский клуб «Ровесник», отдав здание каким-то фирмам, на стене универа – да ещё и на внушительной высоте – кто-то ярко прописал, что «мэр – баран» и ещё несколько неприличных слов про местных чиновников. Храбрец поработал баллоном – и тоже готикой. В общем, смотрелось очень даже стильно! Понятно, что люди восприняли событие неоднозначно: кто-то пребывал в шоке, а кто-то и наоборот. Пока перепуганные чиновники организовывали маляров и автоподъёмник, прохожие и ребятя на все наличные сотики успели заснять надпись. Снимки потом появились в интернете, и народ ещё долго гадал, какому герою удалась такая кудрявая акция.

А ещё был случай чуть проще, когда, толкаясь с кем-то, Дон грянулся наземь и разбил нос. Москист тут же придумал, что делать с обильно текущей кровью. По его совету Дон макал пальцем в ноздрю – всё равно как пером в чернильницу и под диктовку дружка выводил на асфальте серенаду для Аллки. То есть, так это почему-то именовали – серенада. Потом эти двое рассказывали, что на одну фразу у Дона ушло не менее литра. Но фразу Гришка видел своими глазами, и была она куца и предельно короткая: «Алка, ты супер!» То есть восклицательный знак в ней был, а запятой нет. На неё, как объяснял Дон, не хватило крови. Как и на лишнюю «л» в имени Аллки. Хотя сам Гриша подозревал, что про запятую с выпавшей буквой Дон попросту ничего не знал. Как говорил, так и писал. Хотя парень он был всё равно не слабый. Мог, например, в одиночку удерживать дверь перед целым классом. Был у них такой приколы – выскочить по звонку первым из помещения и, захлопнув дверь, удерживать напирющую грудой тел. У других это растягивалось секунд на пять максимум, а богатырь Дон иногда и минуту выдерживал. За что и зарабатывал от одноклассников вполне заслуженную уважку.

Гриша давно заметил, если какой человек имеет силёнку, если справа и слева у него точно фурункулы топорщатся разные там бицепсы-дрицепсы, то и умным ему быть необязательно. Вот и Дон о грамматике с разными там запятыми представление имел крайне смутное. Да и какое там представление, если с русским языком творилось неладное? Ещё и словарь новый появился – с кофе среднего рода, а учебниками Бунеевых школы заполнили по самую крышу. От иных правил и километровых заданий впору было вешаться, и ясно становилось, что скоро науке правописания придёт полный капец. Потому что ребяташки вроде Дона и Лешего окончательно завоюют власть на планете и, конечно, первым своим манифестом упразднят столь измучившие человечество науки. Просто отменят за ненадобностью – и всё.

Тем не менее, Дон – пусть даже без литра крови – на этот клятый этаж взлетел бы мухой, а Гришке пришлось подниматься целую вечность. Когда же, наконец, был взят последний пролёт, выяснилось, что номера квартиры он не знает. Можно было, конечно, приложиться ухом там и сям, послушать, где шумно и весело, но Гриша постеснялся. Ну, позвонит в дверь, может,

даже откроют, а что он скажет? Возьмут и не пустят, как в тот же лифт, спросят, зачем припёрся. По-умному – спуститься бы да вовсе уйти, но что-то удерживало Гришку, и он слонялся от стены к стене, замирая у чужих дверей, силясь услышать знакомые голоса. Так и проторчал на площадке битый час, пока не прибежали запыхавшиеся Надька с Арсением. Эти двое бегали за подарком, потому и опоздали. С ними он и зашёл, хотя уже точно знал, что совершает ошибку.

Как Гриша и ожидал, праздник вился пёстрой каруселью, и прихода его никто не заметил. Пустив воду, в ванной кто-то шумно целовался, на кухне крутились девчонки в передничках, пацаны сидели на диванах и в креслах – что-то жевали, звучно чавкали и пялились на экран огромного ЖК-телевизора. Катя и Лера, ближайшие подруги Алочки, вились у музыкального центра. Шел спор о дисках – что ставить, а что нет, и никто не мог настоять на своём. Зато по телеку показывали передачу о животных. То есть, Костяй принёс полный набор «Бугименов» с «Криком», но видак у Алки палёные диски жевать отказался, и пришлось смотреть обычные телеканалы. Впрочем, жизнь животных Грише была даже более близка и понятна. Всё здесь было практически как у людей. Львиный прайд выходил прогуляться в саванну, и мир постепенно прозревал. И как иначе? Это вам не Гриша-невидимка выбрался на променад, – гривастые и клыкастые гости сулили обитателям саванны серьёзные неприятности. Сначала, конечно, начинали беспокоиться зоркие страусы, затем поднимали головы антилопы Гну и чуткие газели. Взмывали вверх пугливые пичуги, и Гриша ощущал идущий от экрана вязкий холодок ужаса. Таким примерно образом во двор вываливалась ватага Саймона. Иногда пьяные, иногда нет, хотя ещё неизвестно – что было хуже. Их и было-то всего трое, если не считать дохлого Утяни, однако атмосферу тревоги они создавали мастерски. Как те же экранные львы. Стоило им оккупировать ближайшую лавочку, как в считанные минуты исчезала малышня из песочницы, потом разбежались ребяташки постарше, а последними, недовольно ворча, уходили доминошники и пенсионеры. От греха подальше...

Вот и львы на экране, решив поразмяться, рванули за первой жертвой. Гриша нервно стиснул кулаки. Сейчас он был целиком и полностью там – в теле убегающей газели. И, наверное, это сказывалось, мысленно он ей помогал изо всех сил. Львы раз за разом промахивались, а увернувшаяся от броска газель, уходила дальше и дальше.

– Обломово! – огорченно пробасил Дон. Он в отличие от Гришки, разумеется, болел за львов.

– Ничего, сейчас забодают кого-нибудь другого...

Но львам в этот день решительно не везло. Ускакала нечаянная козочка, не подпустили к себе антилопы. С могучими буйволами львы и сами не стали связываться. Рогатые богатыри легко могли покалечить любого «царя зверей». Однако самый большой восторг у ребят вызвал чёрный носорог. Точно обряженный в доспехи тяжелый рыцарь, этот красавец с рогом, напоминающим массивный меч, сам напал на львиную стаю, загнав рыкающих хищников в воду.

– Круто! – оценил Дон.

– Реальный беспредел! – подхватил Москит, и Гриша мысленно с ними согласился. Эх, стать бы таким носорогом! Хотя бы на пять минут, когда во дворе шатается Саймон. И будет тогда полная красота и справедливость...

Увы, передачу, не досмотрели, переключив на ледовое шоу. То есть, это, конечно, девчонки настояли, кому ещё может нравиться эта ботва, но спорить не стали. Пацанам, по большому счёту, было всё равно что смотреть. Даже оказалось, что созерцать шоу не менее весело, поскольку над танцующими всюю изгалялись. Уж погоготать в классе любили во все времена. И фразочки поприкольнее повторяли друг за другом без конца. И не понять было, кого пердразнивают – себя, друзей или диктора?

– А теперь на лёд выходит...

– Под лёд уходит! – трубил Дон, и все корчились от смеха.

– Под лёд, блин...
– Подлёдное шоу! Алё, паца! Подо льдом выступают!..
– Пара щук и китяра! А вон ещё овца рыжая подгребает. На коньках, прикинь, ваще не держится.

– Она же под дозой.
– Ещё и под водой...

Диктор на экране продолжал ахать и восклицать:

– Обратите внимание, как удалась эта поддержка...
– Подножка! – пищал Москит.
– Подсечка! – не соглашался Дон. – Ща он её поднимет и в лунку!
– Не-е, с размаху о лёд. Броском через бедро...
– Чего ржёте, клоуны! – возмутилась Катя. – Пейте лучше коктейли, пока есть.
– Катюх, ты тоже так умеешь? – Димон, кивнул на экран.
– Ага, щас! – фыркнула Катя.
– Вы чего, ей с поддержкой ещё рано, – придурочным голосом объяснил Москит. – Держаться разрешают строго после восемнадцати...

И снова все ржали, и Гришка ржал, сидя на стульчике чуть в стороне. Понимал, что всё предельно тупо и глупо, но всё равно ржал. Ему и впрямь было хорошо. Он был не один – в родном коллективе, а этого ему всегда не доставало. Вот и печенье какое-то под руку подвернулось. Вроде бы даже вкусное.

Когда Лера включила, наконец, какой-то кислющий медляк, народ снова заспорил-зако-лобродил. Оказалось, у Витали-Попкорна скопилась коллекция из сорока вариантов «Дома восходящего солнца», и никто из одноклассников не мог выслушать все варианты до конца.

– Если штук по пять-семь в день – ещё можно, а все сразу – крыша поёдет.
– Я тоже пробовал...
– И что, съехала?
– Не видно, что ли! Гля на него, глаза, как у нарка!
– На себя гляньте, валенки!
– Я тоже слушал... Туфта полная. Даже «Дэк энд Даун» лучше.
– Сам ты даун!
– Я про другое, осёл! Там же Скорпы с Пинками, Джим Хендрикс, прочее старьё. Чего там слушать?

– Там рэпус есть.
– Какой рэпус, чего ты гонишь?
– Точняк, есть. Я слышал. Реальный музон.
– Да какой реальный... Полный отстой. Отстойняк!
– Ваще тошниловка! – заблажил Москит. Все снова зареготали, и Гришка засмеялся вме-сте со всеми. Это он тоже давно подметил: проще и надёжнее ставить на обсуждаемом клеймо. То есть одни копаются да вникают, анализируют что-то, а потом приходит какой-нибудь Мос-кит и заявляет: «Фуфло и отстой!», и все разом соглашаются. Потому что лэйб, потому что проще стирательной резинки. Шлёп – и нет тебя. Что-то вроде клейма невидимости.

– ..Не-е, «Jet» – нормальные пацанчики, – продолжали обсуждать музыкальный рынок одноклассники. Головы в такт кивали, большинство соглашалось.

– Только зря в клёшах.
– Да ладно, тоже нормально...
– А «Nirvana» круче.
– Реально, круче...
– Да вы шизанулись на своей нирване-оборване, – ляпнула расставлявшая на столе посуду Даша. На неё взглянули, как на сумасшедшую.

– Ты чё, Дашук? Баскова перекушала?

Москит картинно выкатил глаза.

– На кого косичкой замахнулась?

Громко фыркнув, Даша подхватила поднос, величаво поплыла из комнаты. На ходу всё же развернула личико, пальнула в ответ:

– Нормально поёт. Получше ваших уродов!

– О-о-о! – взревел изумлённый народ. – Кого это она уродами?!

– В кёрлинг иди поиграй!

– С Басковым...

– Он сядет, штаны лопнут...

– Опасна-а!..

Народ снова заржал. Стадия серьёзности сменилась стадией изгальства. Ребята живо и со вкусом взялись перемывать кости всему телевизионному бомонду. Не пропускали практически никого. И слово: «клоун» было самым мягким из определений, каковыми потчевали героев эфира. Гриша на секунду представил себе, что всё это слышат эстрадные звезды, и нервно хихикнул. Вот уж точно кому стало бы тошно. Прямо до обморочной дурноты. Они же там думают, что симпатичнее лемуров с павлинами, а тут, понимаешь, такое надругательство. Даже стало на мгновение их жалко. Будто не за глаза топтали, а наяву.

Костяй снова попытался поставить на видак свои ужасники, но девчонки его попросту оттолкнули. Им давно уже не терпелось потанцевать. Это у всех девок шиз такой. Чуть какой музон, их прямо в дрожь бросает, коленками начинают дрыгать, кистями крутить...

Наконец заиграло что-то бойкое с ударником. Окна тут же прикрыли шторами, и пацаны нехотя потянулись с дивана. Гришка не танцевал, только смотрел. Даже стул свой отставил подальше, чтобы никому не мешать. На Аллку, первую красавицу класса не глядел – страшно было. Зато смотрел на Дашу с Катькой и любовался грациозной Ульяной. Почему-то хорошо было и здорово от созерцания чужого слитного движения, от колыханья локонов и вскинутых рук. И музыка была не такая уж плохая, пусть и понтовая. Зато ударник старался вовсю – так и вколачивал в виски ритм. И было в этом ритме что-то непривычное, по мартышечьи задиристое.

На этот раз зажигала Уля. Нигде никаким танцам никогда не училась, а всё равно вышло клёво. Точно таилось это у неё в крови. У Гришки даже руки вспотели от восторга – так у Ульки здорово получалось! И все эти изгибы с извивами – прямо в змею её превращали. Кажется, и другие это видели. Девчонки пытались ей подражать, – и Катька, и Даша, даже Аллка, но получалось бледно и смешно. Хорошо, хоть сами девчонки этого не понимали.

Грише показалось, что Ульяна взглянула на него с особой благосклонностью – даже подмигнула кокетливо. А может, просто развеселилась, заметив его раскрытый от восхищения рот. И тут же по-цыгански мелко и часто заиграла плечиками – туда-сюда. Как будто специально для Гришки. У него даже дыхание перехватило. Глаза сами вильнули в сторону, он бы отвернулся, да не успел. Кто-то, неслышно подойдя сзади, прикрыл лицо широкими ладонями. Чужие тяжёлые руки настолько испугали Гришу, что он непроизвольно дернул локтем и попал в мягкое. Шуточка не удалась, и подкравшийся сзади шутник скрючился подобием запятой. Ну, а Гриша, оглянувшись, подумал, что лучше ему было бы умереть на месте. Потому что локтем он угодил не кому-нибудь, а самому Лёхе Сомову. Иначе говоря – Лешему. А уж с Лешим не ссорился даже бугай Дон.

– Размажу... – губами протянул Леший и стал потихоньку выпрямляться. Точно Терминатор после выстрелов из помповика.

– Гимадрильч долбаный... Закопаю...

– Леший ща Крупку убивать будет! – пискнула Танюха.

– Ага, насмерть... – всклокоченный и страшный, Леший шагнул вперёд, но перед ним выскочила Катя.

– Мальчики, не здесь!

– А где, в натуре? – изумился Костяй. – В туалет им, что ли, идти?

– Почему в туалет? Хотите выяснять отношения, пожалуйста, на улице.

Катя явно метила в начальницы. И голос хорошо поставлен, и фразочки выверенные, отточенные. Даже в грохоте музыки её отлично расслышали и поняли. Криво ухмыльнувшись, Леший кивнул Гришане. На выход, мол, сява...

Одеваться не стали. Конечно, зима, но ведь не сорок градусов. Для короткой дуэли – в самый раз, а в том, что дуэль не затянется, никто не сомневался. Да и не дуэль это была, – самая настоящая расправа. Наказание кокоса, свалившегося на голову бабуина.

Секундантами во двор выкатилось с полдюжины парней. Хотя этим, скорее всего, хотелось просто курнуть. Мать Аллки курить в комнатах не разрешала, вот и пользовались моментом. Ну, а чем закончится то, что и дракой именовать сложно, знали все наперёд.

– Не кексуй, Крупа. Реанимация круглосуточно работает! – хохотнул кто-то из секундантов. – Ребцы, у кого зажигалка?

– Трением давай, неандартал.

– Я тебя самого ща потру...

– Ну? И что мне с ним делать? – Леший оглядел присутствующих, лёгким джебом мазнул Гришаню в челюсть. Зубы парнишки отчетливо клацнули. – Его даже бить скучно.

– Пусть попросит извинения, – хмыкнул Москит. – Кстати, что он сделал-то? Я не видел.

– Он знает, что сделал. – Леший со скукой пнул противника в живот, и Гриша шмякнулся в снег.

– Извини, – просипел он. – Я же не знал.

– Видишь, говорит, что не знал! – заржал Москит.

– Да холодно, блин. Давайте быстрее! – заторопили ребята. Они уже вовсю дымили сигаретками, притапывали и подпрыгивали на снегу.

– Пачкаться неохота, – Леший сунул руки в карманы. – Костяй, ты говорил фифаны умеешь ставить.

– Ага, круче кручёного.

– Вот и работай. У нас сегодня что?

– Что? – ребяташки озадаченно уставились на Лешего.

– Именины у Аллки. Сколько ей брякнуло?

– Четырнадцать?

– Это тебе, фуфломёт, давно четырнадцать, а ей тринашка. Считаю, самая молодая невеста в классе. Вот и выдай ему тринадцать фуфырей. А мы поглядим.

– Несчастливое число! – хохотнул Димон. – У него голова лопнет.

– Голова – не арбуз, не лопнет.

Костяй, разминая пальцы, шагнул к Грише.

– Вставай, блин. Неудобно...

Гриша послушно поднялся, склонил голову.

Ставить фифаны Костяй, в самом деле, умел. В детском лагере научили. Там, по его рассказам, объявился настоящий мастер фифанов, – с одного удара мог вырубить. Обычным взятым на оттяг пальцем! И их, добросовестных учеников, этот красавец целую смену учил. Почти месяц ходили за ним, как обкуренные, – в синяках да шишках, с туманом перед глазами. А главное, у другого пальцы давно бы онемели, а этому ничегошеньки. Потому что Мастер... Сэнсей, блин...

Голова у Гриши загудела после второго щелчка. А после четвёртого или пятого пацаны взяли его под локти, чтобы не упал. И держали до самого конца. Гришке ничего не оставалось,

кроме как стискивать зубы. Казалось, в голову методично и неспешно вколачивают огромный гвоздь. Бэмс, бэмс! – и по самую шляпку.

– Больно на морозе! – Костяй подул на палец. – Теперь фаланга будет болеть.

– Молоток! – похвалил Леший. – Только ошибся на раз.

– Да не-е, вроде тринадцать.

– Кто-нибудь считал?

– Да кому охота...

– Опачки, паца, у него кровь пошла!

– Ты чё, где? Изо лба, что ли?

– Из носа.

– Во, даёт! Лупят в лобешник, а кровь из носа...

Хрупая снегом, Леший шагнул ближе, прищурил серые глазёнки.

– Точно, капает... – сплюнув под ноги, он достал из кармана платок, сунул Грише. – На, утри сопли.

Гриша взял платок, онемевшими пальцами прижал к носу.

И тут же Дон, не выдержав, сгрёб Москита поперёк туловища, подняв, побежал к подъезду.

– Хорэ болтать, замёрзнем!

– И девки шампанское без нас вылакают...

Пацаны побежали следом, оставив Гришку неустойчивым столбиком посреди двора. Голову у него кружило, из глаз катились запоздалые слёзы. Почему-то подумалось странное: если он здесь, на улице, то почему по-прежнему слышна музыка?

Девятый этаж, окна, да ещё расстояние до подъезда... Как там вычисляется гипотенуза у треугольника? Короче, по любому не близко. Да и не в дистанции тут дело, а в могучих Костиковых фофанах...

Гриша осторожно поднял руку, провёл по горящему лбу.

– Больно?

Отдёрнув ладонь, он сморгнул. Перед ним стояла Ульяна. В меховой, наброшенной поверх платья кофточке, с охапкой одежды в руках.

– Да нет, нормально...

– Я вот вынесла тебе. Эти балбесы ни за что не догадаются.

– Да мне не холодно... – он силло прокашлялся.

– Ага, пятнадцать градусов – как же! Схватишь менингит и сляжешь. – Она чуть нахмурилась, всматриваясь в него, как врач. – Т к носу снег приложи...

– Ага.

– И закутайся.

Гриша послушно сгрёб протянутую куртку.

– Дойдёшь домой-то?

– Конечно, какие проблемы. Я и так давно собирался.

Ульяна неловко улыбнулась.

– Я поскакала, ага? А то прямо в туфлях выскочила...

– Ага, – он тупо кивнул

– Тогда давай! И не мёрзни. Сейчас пойду, Лёху за тебя отругаю.

– Да не он это, само потекло.

– Всё равно... – не зная, что сказать, она махнула рукой и, высоко вскидывая ноги, побежала по снегу к подъезду. Обрато. На праздник к Аллке. Гриша на секунду зажмурился. А чего он ждал? То есть, могла вообще не выбежать, а она выбежала. Специально к нему. Одежду вынесла. Спрашивается, зачем?

Он посмотрел на платок в руке, хотел было бросить в снег, но передумал. Кровь продолжала капать, а свой платок доставать было поздно. Да и занят он был – оловянным солдатиком – тем самым часовым из повседневных игр. И снова не сумел металлический боец защитить его от реалий. Маленькие его кулаки не разжимались, а крохотный автоматик не стрелял. . .

Гриша глубоко вздохнул – так глубоко, что мороз прошёлся по всем закоулкам его пылающей головы, и сразу стало легче. Он огляделся. Может, и хорошо, что всё так вышло? И именины, и Леший с Костяем? Башка, конечно, трещала и гудела, но не случись этого, не было бы и Ульяны.

С осторожностью нахлобучив на пылающую голову шапку, Гриша побрёл со двора. В правой руке – куртка с шарфом, в левой – платок. День давно умер, город жил вечером. Электрические сумерки – так бы это назвал Гришка. Время самообмана, когда не знаешь, что делать – и жить не хочется, и спать не тянет. Впрочем, сейчас он об этом не думал. Потому что держал в руке чужой платок. Потому что, побитый и изгнанный, чувствовал себя всё равно счастливым. . .

Где-то на полпути, заслышав детские крики, Гриша остановился. Ну да, за ячеистой оградой детского сада жизнь продолжала бурлить. В ожидании родителей малышня не теряла времени, устраивая бег наперегонки.

– Та-ак, приготовились? – молодая воспитательница в каракулевом пальто взмахнула рукой. – Марш!

Гомонящей гурьбой детки оживлённо засеменяли прямо к Грише.

– До забора и обратно! – зычно скомандовала воспитательница.

Самые шустрые ткнули упакованными в варежки ручонками в сетку забора и, мельком скользнув глазёнками по странной, замершей на той стороне фигуре, метнулись обратно. А следом набегали уже следующие. Гриша взглянул на отстающих, и у него замерло сердце. Позади всех, часто спотыкаясь, то и дело падая, неловко ковылял худенький мальчонка. Видно было, как он старается и спешит, но догнать сверстников у него не получалось. У Гриши запершило в горле, и показалось, что это он сам, перенёсшийся в далёкое прошлое, бежит и падает. И стало жутко досадно за воспитательницу. Она же понимает, что этому крохе трудно, что силёнок у него явно не хватает – почему же не остановит этот балаган? Или подобно Гришке этого малыша она тоже не видела? То есть – совсем-совсем?..

– Молодцы, быстро бегаем! Как всегда впереди Димочка с Валея – наши главные чемпионы! – трубно продолжала выкрикивать женщина в каракулевом пальто. – Только почему никто не обернётся, не поможет Денису? Ай-яй-яй! Если кому-то трудно, самые сильные и умные всегда должны остановиться и помочь! А кто у нас из сильных да умных поможет Дениске?

К изумлению Гриши, детская толпа тут же развернулась, с криками бросившись к оставшему Денису. Подхватив мальчонку со всех сторон, чуть ли не волоком потянули к финишу. Одна из девочек на бегу даже поправила ему шапчонку, что сказало утешающее. У Гришки дрогнули губы. Бли-ин! Ведь можно по-человечески! И воспитахи, оказывается, есть вполне нормальные! Ему бы к такой попасть. Ну, то есть, не сейчас, понятно, а лет десять назад. У него-то как раз всё обстояло совершенно иначе. И орали на него, и шлёпали в назидание другим, и в угол сколько раз ставили. Ещё и мальчишки уважали колотить. Хотя тоже находились девочки, что жалели его – отбивали, словно любимую игрушку. Даже конфеты давали, по голове гладили. Может, это его и расслабило? Может, надо было уже тогда показывать зубки, повышать голос и давать обидчикам сдачи? И не дошло бы дело до этих дурных фофанов. Впрочем, наверное, ничего бы у него не получилось. Потому что и тогда он уже был рохлей и слабаком. Безнадёжным и неудачливым. . .

В родном подъезде он пропустил мимо себя Кирилла – салажонка-соседа, живущего этажом ниже. Впервые подумал, что уступает дорогу всем без исключения – даже кошкам с собаками. Просто раньше он этого как-то не замечал, а сегодня заметил. И запоздало удивился,

что отступает в сторону перед маленьким Кирюшкой, а тот, испуганно поджавшись, торопливо проскакивает мимо. Наверное, в свои семь лет такое поведение старшеклассника Кирилл воспринимал за издевательство. А может, за страшной силы провокацию... Гриша кисло усмехнулся. Всё верно, а что ему ещё следовало думать? Тем более что до настоящей правды маленький Кирюха ещё не дорос...

Глава 4

Быть, как все, надёжно, но скучно. Взрослым, к примеру, это нравится. У них через слово рождаются поговорки и прибаутки: «у тебя всё, не как у людей», «не высовывайся», «а что вокруг скажут?» и так далее. Только ведь в том и фишка! Да пусть говорят! Что угодно и в каком угодно жёлто-фиолетовом эфире, – лишь бы внимание обратили! Даже передачи такие есть, куда люди со своими историями в очередь выстраиваются. И чихать, что потом полстраны им кости перемывать будет, главное – засветились! Поскольку стократ хуже быть, как в революционной песне, никем и ничем. По этой самой причине школяры всей планеты скрипели мозгами, выдумывали чушь пооригинальнее, а глупости поцветастее. Одни лепили на тело тату, другие щёки прокалывали, третьи волосы красили, а если не красили, так обривали наголо. Это называлось – не выделяться, а выделяться. То есть, так им всем казалось, а на деле – как раз и становились такими же, как все – с похожими стрижками, с односложным прикидом, с одинаковыми играми в онлайн. И все, как один, клепали конвейерное селфи, заваливали сеть дурными видеороликами. Типа, вот он я, фуфел гороховый и царь недоделанный, на небоскрёбе стою, на самом разопасном краешке. А вот я уже и падаю, блин, ныряю в болото, сигаю через костёр или жую стекло с лезвиями. И кто, значит, так не может, тот недомерок и лузер, нежить и зомби. Во всяком случае, ни о каком респекте, подобному типу лучше и не мечтать.

А Гришка мечтал. Может, не очень сильно, но всё-таки накатывало порой. И роились в голове несуразности, появлялись желанья, о которых раньше даже думать пугался. А что, взять и выкинуть что-нибудь эдакое – новое и экстравагантное! Чтобы удивить и заставить ахнуть. Да просто, чтоб заметили, наконец. Дескать, ёлы-палы, да это же вон кто! Гриня наш изладил!.. Какой Гриня? Тот, что за третьей партией?.. Ага, ушастый такой, с носом конопатым. Реальный, как выяснилось, пацан...

Вот только нового и экстравагантного у Гриши Крупицына никак не выдумывалось. Не приходило в голову – и всё тут. А повторять чужое было в лом. Да и опасно. Вон, Макарыч пиротехнику однажды приволок. Сначала спалили за гаражами какую-то брызжущую искрами пирамидку, а после лупили в кирпичную стену из настоящего обреза. Правильнее сказать, не настоящего, конечно, – самодельного, но с самыми реальными патронами. Что-то там Макарыч выпилил из металла, что-то из дерева, а патроны принёс от мелкашки. Такое не могли не заметить. На испытания сбежался чуть ли не весь класс. Даже девчонки – и те припёхали. На гаражи какая-то малышня влезла – ещё бы! – Макарыч обрез принёс. Офигенный!

Сначала испытывали, попрытавшись кто где. Всё-таки самодельщина, мало ли что. Макарыч и сам предупредил, чтобы не высовывались. Но боёк щёлкал раз за разом, а выстрела никак не получалось, Макарыч чертыхался, взводил курок и снова спускал. Хихикая, народ начал выбираться из укрытий, обступил испытателя.

– Знатная трещотка!

– Не трещотка, а ковырялка. Для носа и ещё одного места.

– Сам ты это место! Этой штукой на тараканов охотятся. Сначала, значит, таракана ловишь, потом заряжаешь вместо патрона...

– Вместо?

– В тесто! Ушами слушай. Потом взводишь затвор, и бойком его – хлобысть! Вылетает, как пуля.

– А мухами? Мухами можно?

– Мухами – хуже. Их ловить труднее. Ха-ха!..

– Алё, Макар, подаришь чертёжик? Я тоже такую мухобойку хочу сбацать...

Потешаться начали даже малолетние шпингалеты на гаражах, а Макарыч, красный и злой, всё щёлкал и щёлкал бойком. Он уже и руку с обрезом не вытягивал, и в стену не целился. Поэтому, когда жажнуло выстрелом, никто даже присесть не успел. Конструкция Макарыча треснула, хотя в щепки не разлетелась. А вот пуля вдарила по стене ближайшего гаража и, срикошетив, мазнула одного из весельчаков по предплечью.

– Амбец! – тихо сказал кто-то, и все ошарашено поглядели на кровь, вытекающую из руки подранка.

Хорошо, пуля только вскользь задела. Крепкая, но царапина. Там же, за гаражами замочили рану носовыми платками. Макарыч сам и бинтовал. Испугался, чудила! И, между прочим, не зря. Уже через день кто-то стрелка застучал, и завуч с директором пару недель крутили следствие, пытаясь выяснить, что же всё-таки произошло. Но обрез Макарыч успел скинуть, царапина у «раненого» тоже затянулась, и следствие завершилось ничем. То есть, ничем для администрации, а вот за Макарыча теперь можно было не переживать. Вошёл в школьные скрижали и анналы. Считай, на каждом городском салюте теперь поминали его лихой обрез.

О скрижелях Гриша, конечно, не мечтал, но попытку выделиться однажды тоже предпринял. Набрал как-то глины на стройке и решил слепить бюст какого-нибудь античного героя. Чтобы в шлеме, с греческим профилем и прочие дела. Это он в телепередаче высмотрел. Про древних скульпторов. Вот и загорелся. Больно уж всё там сияло и поражало гармонией форм. Только в реалиях лепка оказалась процессом куда более сложным. Героический профиль из плохонькой глины никак не лепился, да и шлем не получался. То, что вышло в итоге, напоминало страшнолюдного истукана. Гриша хотел даже выкинуть поделку, но вдруг вспомнил о знаменитых идолах с острова Пасхи. Вот на этих самых идолах его творение и впрямь немного смахивало. Воодушевившись, Гриша обжёг статуэтку на газовой плите, потом зачистил наждачной шкуркой и покрасил бронзовой краской. Получилось вполне стильно. Неудивительно, что в классе на статуэтку обратили внимание. Сначала охали-ахали, потом стали поглаживать и пробовать на прочность.

– Из камня, что ли?

– Ага. Крупа говорит, с острова. Этого... Пасхи.

– Пасха – это праздник, мудрила!

– Остров вроде тоже такой есть.

– Значит, праздник в честь острова? Да ты гонишь!

– Откуда я знаю...

– Крепкая, зараза!

– Дай, я попробую...

Пыхтя и напрягаясь, парнишки по очереди стали гнуть статуэтку. Гриша с застывшей улыбкой тискал в кармане своего оловянного солдатика и следил за потугами одноклассников.

– Фиг, ломаешь! Камень же...

– А если Дону дать? Алё, Дон, сумеешь?

Дон, первый чемпион класса по подтягиванию и отжиманию, ухватисто взял статуэтку. Оглядев со всех сторон, хитровато подмигнул. Согнувшись, точно хоккеист перед взбросом шайбы, по-особому приладил статуэтку на колене, коротко выдохнул и с рычанием навалился. Раздался треск, статуэтка, лопнув, разломилась пополам.

– Круто!

– Ого! Каменюгу сломал!

– Дон, я тебе завтра подкову принесу...

Гришане бросили два увесистых обломка.

– Держи свою «Пасху»...

И разом забыли. То есть, о Доне продолжали ещё некоторое время гудеть, статуэтку тоже нахваливали, а вот о том, кто её принёс – не поминали ни словом, ни звуком. Он тогда, конечно,

улыбался и Доном, как все прочие, восхищался, но прокол свой запомнил. И сглатывал его ещё долго – колючими, похожими на семена чертополоха кусочками.

Глава 5

В общем, жизнь у Гриши получалась гнилой и скучной. Серой как слежавшаяся пыль и такой же чахоточной. Чем больше кашляешь, тем больше першит. Именно поэтому что-то нужно было предпринимать – чтобы заметили и наконец-то оценили. Не за ум, так за ловкость, а не за ловкость, так за силу. Как того же Дона или Костяя, не говоря уже о Лешем или жутковатом Саймоне. Это ведь другим не хватает экстрима, – тем, кто «Крик» глядит или «Бензопилу» с «Бугименом». В Гришкиной жизни подобных страшилок хватало с избытком. Невидимость не спасала – напротив, удваивала и утраивала количество несчастий. Та же Саймоновская кодла избила его однажды в восемь кулаков. Кто не пробовал такого счастья, о драках ничего не знает. И пусть лучше побережёт своё парево насчёт гражданских прав и прочего гуманизма. Гриша означенного блюда отведал вдосталь. Кстати, с того самого дня и узнал, что на вкус кровь очень напоминает пересоленный борщ. Как понял и то, что анонимное избиение переносится куда легче, чем при свидетелях. Это ведь только герои твердят, что на миру смерть красна. Гриша Крупицын был, наверное, антигероем. Когда его били при одноклассниках, плакать хотелось вдесятеро сильнее. Хоть и били только за то, что не оказалось при себе денег. Не дал ничего, значит, должен, а за должок получай наличными. И одноклассники, среди которых присутствовали и Дон с Москитом, и Леший с прихвостнями, продолжали стоять на отдалении и пялиться. Спасибо, хоть на сотовый избиения никто не заснял. А то растражировали бы потом и смеялись год с лишним. Впрочем, тот же Саймон и не позволил бы что-то там заснять. Навтыкал бы по первое число, а сотовый конфисковал бы в пользу «уличного пролетариата». Так он любил выражаться. Должно быть, услышал где-то и выучил. Хоть и был тупее тупого, и с русским языком дружбы не водил. Но ведь боялись этого тупого! До дрожи в коленях. И внимали каждому выплевываемому из прокуренных зубов слову.

Между прочим, Гришка всерьёз подозревал, что в этом и кроется мутька всех тиранов. Гони любую пургу – хоть со сна, хоть с бодуна, – всё равно найдут потом в сказанном великий смысл и тройное дно. Потому что за каждым словом – мускулы и бульканье оружейного масла. Да что там! – даже премию Мира дают тем, кто сильнее! Боятся и видят то, чего нет. Так уж нелепо устроено у людей зрение, – глаза, что ли, от страха круглеют, а может, наоборот – головы становятся квадратными.

В общем, неудивительно, что мысли Гришки текли в понятном направлении. А тут ещё запала в голову телепередача о носороге, в одночасье распугавшем львиный прайд. И снова мечталось: вот бы кого занять в друзьях! Вывел эту носорожью жуть во двор, спустил с поводка и фасанул на того же Саймона. А попадутся под копыта (или что там у носорога?) Леший с Доном – и тем не мешало бы намять рёбра. Только это ж сказка! Мечта из неосуществимых! И спрашивается: куда такого гиганта спрячешь? Не в закуток же за шкафом. И на балкон такой жиромяс не поместится. Можно, конечно, питбулем ограничиться, но Гриша знал наперёд, что сам будет бояться пса. А зачем жить с собакой, которую боишься? Её ведь выгуливать надо, дрессировать, кормить. А если однажды не накормишь? Мясца под рукой не найдется или денег для корма? Вот и сожрёт с потрохами. Их же специально для этого выводили – чтобы кидались и до смерти грызли. А хозяйева там или нет, это четвероногим друзьям по барабану. Сколько вон случаев кругом – то хозяина закусуют, то хозяйку. А ещё хуже, когда детишкам достаётся. Их-то, спрашивается, за что?

Короче, вариант с собакой начисто отпадал, а значит... Значит, следовало становиться зубастым самому. Например, достать снадобье, которое превращает на часик-другой в оборотня. Выпил, спрятался в кабинке туалета и превратился тихонечко в монстра. Потом прыг в форточку и аллюром к своим недругам. Разобрался скоренько, полакал кровушку – и обратно, чтобы снова стать добрым пай-мальчиком.

Мечтая о подобном, Гриша Крупицын зачарованно улыбался и начинал истово чесать подбородок. Учителей его улыбка выводила из себя, и домой он приходил с очередной двойкой. За эти самые двойки отец компьютера его и лишил. Пришёл как-то с родительского собрания и застал за игрой. Даже разбираться не стал – схватил системный блок и свистанул с балкона. Само собой, гикнулось всё разом – и форумы с почтой, и игры... Больше всего жаль было, конечно, игр. В них Гришка убегал от жизни, в них на какое-то время находил спасение.

– Игруны! – громыхал отец. – Наплодили вас – зомби доморощенных. Задач не решаете, книг не читаете, в секции не ходите...

Секция!

Именно это слово всплыло в Гришкиной голове и не утонуло подобно многим другим. Потому что смотрел недавно по телеку боксёрский чемпионат, и был там один супер, что валил всех хоть правой, хоть левой. Ещё и имечко у него было прикольное – Рой. Очень даже уместное. Потому что на ринге красавчик работал, как злая пчела. Жалил, юлил и снова жалил. И не такой даже мускулистый, как Тайсон, но настолько резвый, что совладать с ним не могли даже супертяжи. Специально проводили бой – средневес против супертяжа, и славный парняга Рой снова выиграл. Измотал слоноподобного противника и уложил на пол. К слову сказать, Димон из их класса тоже занимался боксом. Ребята уже не раз бегали к нему на соревнования. Болели за своего. Один из Димкиных кубков Гриша тоже как-то успел повидать. Симпатичная такая посуда из жёлтого, надраенного до блеска металла. Димон говорил, что у него таких «вазочек» уже целая полка. Может, врал, а, может, и нет.

Словом, с намерением записаться в секцию бокса Гриша и двинул сразу после уроков во Дворец Спорта. То есть, двинуть-то двинул, но не добрёл. Потому что ещё издали углядел расположившуюся в скверике кодлу Саймона. Что-то они опять распивали, в картишки, само собой, перебрасывались. Пришлось обходить далеко стороной – настолько далеко, что в заводских кварталах Гриша вконец заплутал.

Были у них в городе такие места – прямо катакомбы. Справа и слева бетонные заборы с колючей проволокой, десятки и сотни табличек с названиями компаний, складских помещений и стройуправлений. Гришке все эти жутковатые СМО и СМУ, СТАЛЬПРОКАТЫ и СТРОЙВАГОНЫ ни о чем не говорили, и он покорно топал, понимая, что иного пути в этой огромной промзоне не существует. Не в лапы же к Саймону возвращаться! Зато острее мечталось, как однажды, научившись всем премудростям боксёрского ремесла, он будет шагать из школы в компании одноклассников. А ещё лучше, если тут же окажутся и девчонки: те же Катюха с Аллкой, Ульяна с Дашей, кто-нибудь ещё из самых симпатичных. Как обычно все будут двигаться согласно иерархической лесенке. То есть, сначала расфуфыренные девчонки, потом Дон с Москитом, Леший, Костяй, Димон с Макарычем... И где-то позади всех сразу за Тихманом и Корычем уже он – Гришка. В скромном и одиноком арьергарде. На середине пути он ещё и наклонится – будто бы шнурок завязать, а на деле – лишний раз убедится, что отряд не заметил потери бойца. И, конечно, они не заметят – побредут себя дальше, только вот «яблочко-песню» допеть до конца не успеют. Потому что отморозку Саймону плевать – сколько людей. Он из прайда, значит, как бы царь и хан. Вот и вылезет поперек пути. Сам Гришка даже не разглядит, из-за чего там все начнётся. Только услышит девчоночьи крики, а после увидит, как бежит с перекошенным лицом Моски. Этот уж точно – первым задаст стрекача. Орать-то он мастер только когда рядом Дон. А если Дон на земле, и на спине его топчется грузный Саймон, тогда всё, кранты: только и остаётся, что тикать и драпать. И, верняк, кто-нибудь из шестёрок Саймона ухватит красавицу Аллку за косу, потащит к себе. Отважная Ульяна бросится на выручку, но получит грубый тычок. Или пинок... Нет, лучше просто тычок. И вот тут-то... Да-а... Гриша снова начинал блаженно улыбаться. Потому что, отбросив рюкзак, его геройская тень юрко выкатывалась вперёд и точными ударами сбивала с ног приятелей Саймона. Одного, второго, третьего... Точь-в-точь как кегли. Сам вожак, спрыгнув

с поверженного Дона, успевал сделать пару шагов, и тут начиналось возмездие. Ох, как же оно начиналось...

– Ты что? Тоже к нам?

Гриша оторопело сморгнул. Из туманных грёз зарождавшейся славы выплыло лицо Ульяны. То есть, оно было и там – в грёзах, но когда всё так круто смешивается воедино... Гриша даже головой покрутил, ожидая увидеть Саймона, но более никого на улице не было, а они с Ульяной стояли возле незнакомого подъезда. Мраморные ступени вели к массивной, украшенной бронзовыми виньетками двери, наверху красовалась незнакомая табличка.

– К вам, – брякнул Гриша, чтобы не выглядеть дураком.

– Вот уж не знала, что ты увлекаешься лепкой.

– А кто увлекается-то? – бормотнул он и по мимике Ульяны угадал, что сморозил глупость. Торопливо задрал голову, увидел, что на цветастой табличке красуются стилизованные буквы: «Домино». Все прочее Гриша проглотил махом и скоропёхом, выхватив главный смысл – что-то там про школу живописи и лепки. Но с лепкой у него и впрямь дружить не получалось (один идол с острова Пасхи чего стоил!), а вот карандашами или кисточкой помахать – это как раз не пугало...

– Так я это... Рисовать, – поправился он. – В школе-то ерундовина, не рисование, а здесь, говорят, ничего.

Тут он был отчасти прав. Само собой, про клуб «Домино» Гриша слышал впервые, но в отношении школы опыт у него действительно был неудачный. Потому что рисовать Гриша любил, но в школе за эту самую любовь только терпел и страдал. Вера Мартовна, их новенькая учительница по изобразительному искусству (надо же так назвать обычное рисование!), требовала каких-то схем, специальных карандашей и строгого чередования цветов. Сначала, значит, скелет-схема человека или дерева, потом аккуратное раскрашивание. И непременно надо помнить о перспективе, угле освещения и всех положенных светотенях. Чтобы получалось ровно и правильно. И выходила какая-то сплошная геометрия – настолько правильная, что Грише хотелось смеяться. Но он не смеялся, потому что все кругом пыхтели и выводили. И он старался выводил, поскольку первая же попытка своевольства закончилась для него фарсом.

А рисовали в тот день ёлочку. Вернее – ветку от ёлочки. Такое было задание, и Гриша тут же пустил в ход карандаши – светло-коричневый и зелёный, пытаясь в ершистости игл поймать естественную колючесть ели. Он настолько увлёкся, что прослушал объяснения Веры Мартовны. Его остановил окрик. Вздвогнув, Гриша поднял голову и разглядел нависшую над ним учительницу. набросок Крупицына Вера Мартовна брезгливо взяла с парты, показав всему классу. Само собой, класс загоготал, и громче всех Моски, который рисовал, как курица лапой.

– Я сто раз объясняла, как рисуют деревья! – учительница строго блеснула очёчками. – И вот сидит неслух, который слушает кого угодно, но только не своего учителя.

– А чё, Крупа – известный глухарик!

– У него, Вермартовна, бананы в ушах...

– Специально для Крупицына, – возвысила голос учительница, – повторяю ещё раз: сначала выводится схема веточки. Схе-ма, все запомнили? Обычным карандашом 2М. Линейкой не пользуемся, но линии ведём ровные, без отклонений. Сначала веточки идут короткие, тонкие, потом длиннее и толще. Все делаем симметрично и ровно. А этот хаос, – она опустила листок на парту Гриши, – мне не нужен. Доставай новый лист и рисуй, как положено.

Гриша достал новый лист и даже попытался нарисовать то, что требовалось. Все-таки учительница закончила пединститут, она знала, что говорила. Но отчего-то пальцы не гнулись, карандаши не слушались, и рисовать по схемам никак не получалось. Ну, не шло у него, и всё тут! А потому, воспользовавшись тем, что Вера Мартовна отвлеклась, помогая «безрукому» Димону выводить симметричные палочки-веточки, Гриша украдкой достал прежний набросок

и взялся завершать начатое. Коричневым – веточку – слегка выгнутую, а после иголки – вразброс и светло-зелёные. И если неровно рассыпать иглы, то даже естественнее получалось. Более светлые кончики игл создавали ощущение солнечного дня, а коричневое древко веточки у него тоже проглядывало сквозь зелень, совсем как в жизни. Что же касается симметрии, то про неё он, кажется, вовсе забыл.

Когда сдавали работы, Гриша хотел сунуть свой листок незаметно, но не сумел. Вера Мартовна рисунок цопнула, точно кошка воробья, бдительно поднесла к самому лицу. Грише показалось, что даже очки у неё заблестели чуть ярче. Крупицыну захотелось испариться, стать действительно невидимым. Он и голову вжал в плечи до предела, и руки спрятал за спину, но всё равно исчезнуть не сумел. Между тем, пожевав губами, Вера Мартовна нервно сунула рисунок в общую стопку. А замершему ученику так ничего и не сказала.

Через пару дней рисунки ребята получили обратно с отметками. В самом уголке у Гриши стояла крохотная, больше похожая на двойку пятёрка, а рядом в скобочках красовалась странная приписка: «Больше никогда так не делай!». Гришу эта надпись, просто ужас, как озадачила. То есть, если не делай, то зачем ставить «пять», а если всё же оценили рисунок пятёркой, то почему просто не похвалить? Несколько вечеров Гриша ломал голову, пытаясь разгадать мудрёный ребус, но так ничего и не понял. Однако инициативы на уроках рисования больше не проявлял – чертил, посматривая на окружающих, копируя палочки-кружочки с положенными интервалами и светотенями...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.